

The illustration depicts a male elf with long, flowing white hair and pointed ears. He is dressed in ornate green and brown elven armor, featuring intricate carvings and a dark green cape. He holds a longbow in his right hand and a sword in its scabbard at his waist. A quiver of arrows is strapped to his back. He stands on a dark, jagged rock formation overlooking a turbulent sea with white-capped waves. In the distance, a large, multi-towered castle sits on a cliff, surrounded by dense evergreen forests. The sky is filled with dramatic, dark clouds, with a warm, golden light from a low sun or moon casting a glow over the scene. In the lower-left foreground, a small wooden boat is beached on a rocky shore, with the words "МОРСКОЙ ПУТЬ" (Sea Way) inscribed on its side.

ПАТРУШЕВ СЕРГЕЙ

ЭЛЬФ
И НЕБЕСНАЯ КАРА

ФЭНТЕЗИЙНЫЙ РОМАН

Сергей Патрушев

Эльф и небесная кара

<https://litres.ru/74628103>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что остаётся от бессмертной души, когда она добровольно сшивает себя из осколков льда, боли и застывшего пепла? Когда любовь к хрупкому, умирающему миру становится единственным якорем в бесконечности?

Путь сквозь Краэль — это не погоня за могуществом, а медленное, методичное самоубийство во имя клятвы. Здесь каждый шаг оплачивается памятью, а каждый вздох каплей человечности. Древние горы не проверяют силу мышц, они препарируют намерения, оставляя лишь чистую, звенящую суть.

Но что, если в конце этого паломничества ждёт не божественный дар, а лишь тяжесть вечной вахты? Грань между спасителем и тюремщиком стирается в лучах багрового светила. И когда вершина достигнута, а дракон повержен, остаётся самый страшный вопрос: может ли камень, познавший абсолютный холод, снова научиться теплу? Или возвращение домой — это лишь начало новой, куда более глубокой ссылки?

Содержание

Глава 1. Запретная любовь	4
Глава 2. Приговор и разлука	18
Глава 3. Отплытие	26
Глава 4. Шторм Осуждения	34
Глава 5. Врата Краэля	44
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сергей Патрушев

Эльф и небесная кара

Глава 1. Запретная любовь

Старый кедр, чья кора напоминала сморщенную кожу древнего старца, пах хвоей и пронзительной, звенящей пустотой. Сиреон провел кончиками пальцев по глубокому шраму на его стволе — памяти о той ночи, когда он сорвался с Утеса Шепчущих Ветров, преследуя раненого оленя. Тогда, сорок лет назад, его кости срослись за три дня под песнями целительниц, а кожа затянулась, не оставив и следа. Эльфийская кровь брала свое. Но сейчас, сидя на толстом, оплетенном изумрудным мхом суку, Сиреон чувствовал себя не бессмертным сыном леса, а дряхлым, изможденным человеком.

Лес внизу дышал. Он жил своей собственной, непостижимой для смертных жизнью. Серебряные ивы склоняли свои плакучие ветви к хрустальной глади Зеркального озера, и в их отражении плясали не звезды, а блуждающие огни — духи тумана. В кронах исполинских дубов, чьи кроны уходили за облака, перекликались сонные совы, а по невидимым тропам скользили тени патрульных. Сиреон слышал их шаги, слышал, как трется тетива о кожаную рукавицу на левом предплечье стража, слышал, как бьется сердце молодого

го оленя в трехстах ярдах к северу. Его слух, зрение и обоняние были острее бритвы из звездного металла. Он был лучшим стрелком Серебряного Оплота, живой легендой, чье имя шептали с благоговением даже седые ветераны Последней Войны.

Но сейчас его лук из белого ясеня лежал без дела у корней кедра. Тетива, сплетенная из волос лунной кобылицы, была ослаблена. Пальцы, способные на лету сбить перо с крыла стрижа, безвольно свисали, и в лунном свете казались неестественно бледными.

Он вспоминал.

Память эльфа — это не цепочка обрывистых событий, как у людей, сторающих, словно свечи на ветру. Память эльфа — это бесконечная, залитая мягким светом галерея. Сиреон мог закрыть глаза и вернуться в любой день своей трехсотлетней жизни, ощутив на коже тепло того самого солнца, вдохнув тот же воздух.

Он вернулся на тридцать лет назад.

Тогда на границе Сумеречного леса, там, где вековые деревья редели, уступая место человеческим пашням и гнилым деревням, стояла Великая Сушь. Река Илистая обмелела так, что по ее дну можно было перейти пешком, а зверье, обезумев от жажды, начало выходить к самым стенам Оплота. Совет старейшин отправил Сиреона и еще троих следопытов в Дикие Земли, чтобы найти исток подземных ключей, которые, по древним картам, питали реку.

Люди встретили их стрелами.

Сиреон помнил запах горящей смолы и прелой соломы. Поселение, куда они вышли на пятый день пути, было охвачено паникой. Крыши соломенных хижин провалились под тяжестью собственного жара, а посреди единственной площади, у пересохшего колодца, стояла она.

Она не кричала. Вокруг метались люди, пытаясь сбить пламя с горящего амбара, кто-то выл, прощаясь с нажитым добром, а она просто стояла. Вода в ее ведрах давно превратилась в пар, но она продолжала зачерпывать из пустоты и плескать на почерневшие бревна тонкими, покрасневшими от жара руками.

Ей было около двадцати пяти. По человеческим меркам — почти ровесница, дитя. На ней было простое серое платье, промокшее от пота на спине и прилипшее к лопаткам. Паря прядей выбилась из туго заплетенной русой косы, и мокрые от пара завитки прилипли к ее вискам и шее. Она была покрыта копотью, на лбу чернела полоса сажи, но сквозь всю эту грязь, усталость и страх проступала такая упрямая, яростная воля к жизни, что Сиреон, повидавший сотни прекрасных, бессмертных лиц в Зале Тысячи Свечей, замер.

Его спутники уже обнажили клинки, готовясь проложить путь силой — эльфы не просили разрешения там, где речь шла о спасении целого леса. Но Сиреон шагнул вперед, выходя из тени дуба.

Он не произнес заклинаний. Он просто заговорил. Его го-

лос, привыкший отдавать команды в бою, вдруг стал мягким, обволакивающим, как бархат. — Отойди, — сказал он на чистом человеческом наречии, без певучего эльфийского акцента, который всегда выдавал их с головой. — Амбар не спасти. Ты сгоришь вместе с ним.

Она обернулась. Ее глаза, огромные, цвета мокрого лесного ореха, расширились. В них не было привычного для людей при виде эльфа суеверного ужаса или животной ненависти. Только бесконечное, глухое изнеможение.

Она не отшатнулась. Она лишь крепче сжала дужку пустого ведра. — Убирайся в свой хрустальный замок, остроухий, — хрипло бросила она. — У нас тут дела поважнее, чем слушать твои песни.

Сиреон усмехнулся. Впервые за сто лет кто-то говорил с ним без придыхания. — Твои дела закончатся тем, что ты потеряешь сознание, и огонь заберет тебя, — он подошел ближе. От нее пахло дымом, кислым молоком и чем-то неуловимо цветочным — дикой ромашкой. — Я могу отвести тебя к реке.

— Сама дойду, — огрызнулась она, но в этот момент ее колени подкосились.

Она начала падать вперед, прямо на раскаленные угли у порога амбара. Сиреон оказался рядом быстрее, чем человеческий глаз успел моргнуть. Он подхватил ее, и ощущение теплой, хрупкой, смертной плоти в его руках ударило его, как разряд молнии.

Люди закричали. Его спутники шагнули из тени, и их сияющие доспехи из мифрила ослепили крестьян. Началась бы резня, но Сиреон поднял свободную руку. — Мы уходим, — бросил он своим. — Воды. Быстро.

Он нес ее на руках через все селение. Она была тяжелой для человеческого женщины, но для него — легче пушинки. Она бормотала что-то бессвязное, проклиная засуху, старосту и «проклятых лесных духов». А он смотрел на ее лицо, на то, как дрожат черные от сажи ресницы, и понимал, что его трехсотлетнее сердце, не знавшее ни страха, ни боли, только холодную сосредоточенность стрелка, только что разбилось вдребезги.

Он принес ее к реке. Его спутники, ворча, наполнили все колодцы в деревне из своих магических фляг, но Сиреон этого уже не видел. Он сидел на берегу, держа ее голову на своих коленях, пока она жадно пила студеною воду.

— Зачем? — спросила она, отдышавшись. Ее голос сел. — Зачем вы нам помогаете? Люди рубят ваши деревья. Мы — враги. — Рубят дураки, — ответил Сиреон, перебирая пальцами ее мокрые, пахнущие дымом волосы. — Лес дает вам жизнь. Вы — часть его дыхания. Просто вы этого не слышите. — А ты, значит, слышишь? — она прищурилась, и в ее ореховых глазах впервые мелькнуло что-то похожее на интерес, а не на страх. — Я — Сиреон из Дома Серебряной Ветви, — представился он по всей форме. — Лучник Оплота. — Анастасия, — буркнула она, садясь и отряхивая подол.

— Просто Анастасия. И мне плевать, из какой ты там ветки. У меня корова недоеная, а амбар сгорел.

Она ушла, даже не кивнув на прощание. А Сиреон остался сидеть на берегу до самого заката.

Он начал приходить к границе каждую неделю. Это было безумием. Нарушением всех мыслимых и немыслимых уставов. Эльф, страж Серебряного Оплота, тратящий время на границе с землями короткоживущих. Его пытались остановить. Командир патруля, его старый друг Лианэль, вызвал его на Совет Чести. — Ты позоришь свой род, — говорил Лианэль, и его красивое, вечно юное лицо искажала брезгливость. — Ты опускаешься до их уровня. Скоро ты начнешь есть их грязное мясо и спать на соломе. — Их солома пахнет лучше, чем высокомерие некоторых бессмертных, — спокойно ответил Сиреон.

Его не изгнали. Его заслуги в войне были слишком велики. Но за ним установили слежку.

А он сходил с ума. Он, никогда не знавший лихорадки, теперь горел. Стоило ему закрыть глаза, как он видел ее руки, ее упрямый подбородок, слышал ее хриплый смех. Он приносил ей дары из леса, которые она принимала с грубоватой крестьянской практичностью: отборную дичь, которая не портилась неделями, целебные травы, от которых ее старая корова давала вдвое больше молока, и куски светящегося в темноте лунного камня, которые она, поворчав, приспособила вместо лампы в курятнике.

— Хватит тащить мне свои волшебные побрякушки, — говорила Анастасия, вытирая руки о передник. — Лучше бы крышу помог залатать. Твоя магия супа не сварит. — Я могу наколдовать тебе любые самоцветы, — смеялся Сиреон, помогая ей месить тесто. Его руки, привыкшие к тетиве, были слишком нежными для грубой работы, и она постоянно отбирала у него скалку. — Мне не нужны самоцветы. Мне нужно, чтобы дождь пошел.

Однажды, в ночь летнего солнцестояния, когда граница между мирами истончилась, он привел ее в лес. Настоящую, вглубь, за Завесу Тишины, куда не ступала нога человека со времен Исхода.

Лес принял ее. Деревья не шарахались, не пытались схватить ветвями. Мох светился под ее ногами мягким зеленым огнем, а ночные цветы поворачивали свои венчики ей вслед. — Почему они... живые? — прошептала она, прижимаясь к его плечу. Впервые за все время их знакомства в ее голосе не было насмешки. Только священный трепет. — Потому что ты не несешь в себе зла, — ответил Сиреон. — Люди несут в лес топоры и злобу. А ты принесла себя.

В ту ночь, под сенью Древних Деревьев, под пение, которое не способно издать ни одно живое существо, они стали едины.

Смертная женщина и бессмертный эльф. Это было невозможно. Это было против самой природы, против законов Творения. Их тела не должны были подходить друг другу, но

они подошли с пугающей, абсолютной точностью. Сиреон, познавший за триста лет сотни холодных, совершенных эльфийских дев, впервые узнал, что такое огонь. Что такое боль, потому что любить смертную — это с первого мига знать, что ты ее потеряешь. Что такое жизнь, потому что в ее хрупком теле пульсировала такая яркая, отчаянная сила, какой не было во всем его бессмертном народе.

Она засыпала на его груди, и он слушал, как замедляется ее сердце, как выравнивается дыхание. Он мог бы остановить время для нее. Мог бы забрать ее в Оплот, умолять магов крови даровать ей эльфийское долголетие. Но он знал — она увянет. Магия лишь сожжет ее изнутри. Она должна была прожить свой короткий, ослепительно яркий человеческий век.

Их тайная связь длилась пять лет. Пять лет украденного, запретного счастья. Пять лет, в которые Сиреон научился лгать. Он лгал Совету, лгал друзьям, лгал самому себе, убеждая, что его походы к границе — лишь патрулирование.

А потом Анастасия заболела. Не от магии, не от проклятия. Обычная человеческая лихорадка, черная гниль, что приходит с болотными туманами.

Сиреон нашел ее в бреду. Он сидел у ее постели трое суток. Он, лучший целитель Оплота, чьи руки могли срастить раздробленные кости, был бессилен. Его магия, созданная для бессмертных, отторгала ее смертную плоть. Каждая попытка влить в нее жизненную силу лишь сжигала ее сосуды.

— Не надо, — прошептала она на исходе третьего дня, нащупав его руку. Ее кожа была сухой и горячей, как песок в пустыне. — Не мучай меня. Дай... уйти. — Я не могу, — его голос дрогнул. По идеальной, не знающей морщин щеке эльфа скатилась первая за двести лет слеза. — Анастасиэль, я не могу. — Дурачок, — она слабо улыбнулась. — Посиди со мной. Просто... не оставляй одну.

Она умерла на рассвете, когда первые лучи солнца пробили туман над болотом. Ее сердце просто остановилось. Сиреон держал ее за руку и чувствовал, как тепло уходит из пальцев, как тяжелеет рука, как жизнь, эта хрупкая, смешная, упрямая искра, покидает ее навсегда.

Он похоронил ее на той самой поляне, где они впервые познали друг друга. Он не позволил ей гнить в холодной земле человеческого погоста. Он вырастил вокруг ее могилы круг из каменных дубов, чьи корни сплелись в нерушимый саркофаг, а кроны навсегда закрыли это место от дождя и снега.

А через месяц он понял, что она оставила ему.

Алиса родилась в Серебряном Оплоте, в тайных чертогах, куда Сиреон перенес ее мать за мгновение до смерти. Роды принимала верховная жрица, и даже она побледнела, когда дитя издало первый крик.

В девочке не было эльфийской хрупкости и отстраненности. Она была смуглой, как ее мать, с копной темных, непослушных волос. Но ее глаза... Ее глаза были цвета рас-

плавленного серебра, с вертикальным зрачком, который то сужался в иглу, то расширялся, заполняя всю радужку. Когда она плакала, от ее слез шел пар.

— В ней буря, — прошептала жрица, глядя на младенца. — Древняя, первобытная буря. Кровь лесных духов проснулась в ней, Сиреон. Кровь твоих предков, которую вы, высокомерные глупцы, давно забыли, разбавив ее лунным светом.

Сиреон любил дочь с иступленной, болезненной нежностью. Он видел в ней Анастасию — ее упрямство, ее смех, ее земную, грешную и святую простоту. Но с каждым годом в девочке все отчетливее проступало и его наследие. В три года она сбила стрелой яблоко с головы бегущего оленя. В пять — могла часами сидеть в ледяной воде Зеркального озера, не чувствуя холода, и разговаривать с форелью. Она была гибридом, невозможным существом, живым оскорблением Великого Равновесия.

Совет узнал на седьмой год ее жизни.

Слухи о «ведьминском отроде» в доме лучшего стрелка ползли по Оплоту, как ядовитый туман. Кто-то из прислуги, заметив, как Алиса заставляет увядшие цветы распускаться от одного прикосновения, донес Старейшинам.

Сиреона вызвали в Зал Тысячи Свечей.

Двенадцать фигур в белых одеяниях сидели полукругом. Их лица были бесстрастны, но воздух в зале звенел от сдерживаемой ярости. Чистота крови была догмой. Священной

коровой эльфийского народа. Именно она давала им бессмертие, остроту чувств, магию. Смешение с людьми считалось не просто позором — это была биологическая диверсия, гниль, способная со временем уничтожить их расу.

— Ты опозорил Серебряную Ветвь, — произнес Верховный Старейшина, не глядя на Сиреона. Его взгляд был прикован к девочке, которая стояла рядом с отцом, сжимая его руку. — Ты осквернил свой род связью со скотом. — Она была человеком, — голос Сиреона был подобен скрежету стали. — Она была лучшей из всех, кого рождала земля. — Она была прахом, — отрезал Старейшина. — А это, — он ткнул длинным пальцем в Алису, — ошибка. Уродство.

Алиса зашипела. Буквально. Из ее горла вырвался звук, похожий на треск разрываемой ткани, и ее серебряные глаза полыхнули опасным, волчьим огнем. По залу пронесся порыв ледяного ветра, гася половину свечей.

— Довольно, — Старейшина поднялся. — Закон Древних гласит: полукровка не имеет права на жизнь. Кровь должна быть очищена. Дитя должно быть принесено в жертву Истоку, чтобы смыть твой грех, Сиреон.

Сиреон обнажил клинок. Лунная сталь зазвенела, покидая ножны. — Вы пройдете к ней только через мой труп, — сказал он.

Старейшины тоже обнажили оружие. Зал Тысячи Свечей, место мудрости и закона, на мгновение превратился в склеп, где бессмертные готовились убивать друг друга из-за ребен-

ка.

— Остановись, — раздался голос, который Сиреон не слышал пять лет. Голос, который снился ему в самых мучительных, самых желанных снах.

В центре зала, там, где горел вечный огонь, сгустился воздух. Фигуры Старейшин отшатнулись. Из изумрудного, пахнущего дождем и травой тумана шагнула женщина.

На ней не было савана. На ней было то самое серое платье, в котором он впервые увидел ее у горящего амбара. Сажа на ее лице была свежей. Русая коса лежала на плече.

— Анастасиэль? — выдохнул Сиреон, и его колени подкосились.

Она улыбнулась. Той самой, чуть кривоватой, упрямой улыбкой. — Ты плохо следишь за дочерью, лучник, — сказала она, подходя и обнимая Алису. Девочка тут же вцепилась в мать, уткнувшись лицом в ее живот, и ее дрожь прекратилась. — Она чуть не сожгла ваш курятник.

— Ты... ты не умирала, — Сиреон смотрел на нее, боясь моргнуть, боясь, что видение развеется. — Смерть — это очень скучно, — пожала плечами Анастасия, не выпуская дочь. — И очень громко. Вы, эльфы, вечно усложняете. Я — часть леса. Лес не отдает своих детей так просто. Особенно когда у них рождается внучка с таким характером.

Она подняла глаза на Старейшин. И в ее человеческом взгляде теперь плескалась древняя, зеленая, безжалостная мощь первобытной чащи. — Вы посмеете тронуть мою дочь?

— тихо спросила она. — Попробуйте. Посмотрим, как глубоко ваши корни смогут прорасти в гранит.

Старейшины молчали. Магия, исходившая от воскресшей женщины и ее дочери, давила на них физически. Это была не изящная, певучая магия лунного света. Это была тяжелая, пахнувшая землей, кровью и медом магия жизни и смерти.

— Закон... — пролепетал один из них. — Ваш закон мертв, — отрезала Анастасия. — А моя дочь — жива. И она останется со мной. И с отцом.

Она взяла Сиреона за свободную руку. Его ладонь прошла сквозь ее плоть? Нет. Она была теплой. Настоящей.

Совет отступил. В ту ночь было решено: изгнание.

Их не убили. Убить дочь Источника, в которой проснулась древняя кровь, было бы самоубийством для всего Оплота. Но оставить их среди Высокого Народа было невозможно.

На рассвете Сиреон, Анастасия и Алиса покинули Серебряный Оплот. Они ушли за Завесу, в земли людей, которые когда-то чуть не сожгли ее заживо.

Сиреон сидел на кедре, возвращаясь в настоящее.

Внизу, в шалаше, сплетенном им из веток ивы по всем правилам человеческого зодчества, спала Анастасия. Ее дыхание было ровным. Рядом с ней, свернувшись клубком, посапывала Алиса. Во сне девочка иногда выпускала когти — маленькие, но острые, как иглы, и ее ресницы, отбрасывающие тени на щеки, отливали металлом.

Сиреон достал из колчана стрелу. На ее древке, там, где

обычно эльфы вырезали руны победы, было выцарапано одно слово. «Семья».

Он натянул тетиву. Внизу, на краю поляны, из тени выступила фигура. Это был Лианэль. Его бывший друг, его бывший брат. Он не обнажал клинка. Он просто стоял и смотрел, его лицо было бледным пятном в лунном свете. Он пришел не убивать. Он пришел напомнить, что они — изгнанники. Что за ними всегда будут смотреть. Что их любовь — это вечная мишень.

Сиреон спустил стрелу. Она не была направлена в сердце друга. Она ушла вертикально в небо, прошив нависшую над поляной низкую тучу. Стрела вспыхнула ослепительно белым светом и рассыпалась серебряной пылью, которая медленно, как снег в середине лета, начала оседать на спящий лес.

Это был его ответ.

Он обнял свой лук, был лучшим стрелком, изгнанником, мужем женщины, которая умерла и воскресла, чтобы спасти их дочь. И глядя на них, спящих под падающим с неба звездным серебром, Сиреон впервые за тридцать лет не чувствовал себя ни героем, ни преступником.

Он чувствовал себя дома.

Глава 2. Приговор и разлука

Величие Зала Тысячи Свечей всегда давило на плечи, но сегодня своды из белого мрамора казались каменным склепом. Воздух, обычно пахнувший ладаном и ночной фиалкой, стал тяжелым, наэлектризованным от сдерживаемого гнева. Двенадцать Старейшин восседали на своих высоких тронах, выточенных из костей морского левиафана. Их лица, лишенные возраста и пороков, сейчас напоминали застывшие маски из лунного камня.

Слово взял Элиандар, Хранитель Печати Корня. Его голос, лишенный всяких эмоций, резонировал под куполом, заставляя пламя в золотых чашах дрожать. — Сиреон из Дома Серебряной Ветви, — провозгласил верховный судья, — ты обвиняешься в нарушении Первого Договора. Ты допустил прикосновение к смертной плоти. Ты допустил осквернение священного семени. Твоя кровь более не принадлежит клану.

Эльф, стоявший в центре зала на мозаике, изображавшей Древо Жизни, не опустил головы. Сумрак, бывший командир пограничной стражи, смотрел на своих судей прямо. В его серебряных глазах не было раскаяния, лишь глухая, звенящая пустота человека, потерявшего всё, кроме остатков достоинства. Рядом с ним, вцепившись в его руку, стояла Анастасия. Ее человеческая красота казалась вызывающе

грубой на фоне идеальных, фарфоровых черт эльфийской знати. Слезы проложили светлые дорожки по ее пыльным щекам. Маленькая девочка, Алиса, пряталась за спиной отца, и ее серебряные глаза горели опасным, волчьим огнем.

— Закон предлагает тебе выбор, — продолжил Элиандар, и в его тоне проскользнуло едва уловимое отвращение. — Очищение через пламя. Твоя жизнь погаснет, как свеча на ветру. Это дарует твоей семье милость. Они останутся в Оплоте под надзором, их память будет стерта, а дитя воспитано вдали от твоей скверны.

Слово «смерть» повисло в воздухе. Сумрак почувствовал, как пальцы Анастасии впились в его предплечье до боли. Она не вынесет этого. Ее хрупкое сердце, и так истерзанное годами тайн, разорвется в ту же секунду.

— Либо, — Элиандар сделал паузу, наслаждаясь моментом абсолютной власти, — добровольный уход в Краэль.

По рядам Старейшин пробежал шелест. Краэль. Черные Зубы Мира. Проклятые хребты на самом краю света, где воздух отравлен пеплом древних вулканов, а небо затянуто вечной пеленой багровых туч. Там не росла трава, там не пели птицы. Там обитали лишь каменные гаргульи, сошедшие с ума от одиночества, и тени тех, кто нарушил клятвы крови тысячелетия назад. Из Краэля не возвращались. Эльфийская магия там умирала, плоть истлевала от ядовитой пыли, а разум растворялся в безумии горных ветров. Это была не ссылка. Это была медленная, изощренная казнь, растянутая

на годы мучений.

Сумрак перевел взгляд на свою семью. Он увидел ужас в глазах жены и первобытную ярость дочери, которая уже начала понимать масштаб катастрофы. Выбрать смерть — значит оставить их здесь, в безопасности мраморных стен, но сиротами при живом отце, заклеяменными позором. Выбрать Краэль — значит обречь себя на вечную агонию, но увести заразу прочь от Серебряного Оплота, дав им призрачный шанс на жизнь.

Выбор был сделан за долю секунды. — Я принимаю волю гор, — голос Сумрака прозвучал ровно, но в нем лязгнула сталь. — Мое место в Краэле.

Элиандар кивнул. На его губах промелькнуло нечто похожее на удовлетворение. — Да будет так. Твои клинки и лук останутся здесь. В проклятых землях тебе не понадобится оружие Старших. Ты уйдешь налегке.

Стража шагнула вперед, чтобы забрать перевязи. Сумрак молча отстегнул ножны с лунной сталью и положил их к подножию трона Верховного. Последним он снял свой лук из белого ясеня. Древко, помнившее сотни битв, казалось живым в его ладонях. Он положил его рядом с мечами, словно хороня часть собственной души.

— У вас есть час, — бросил Элиандар, отворачиваясь, давая понять, что аудиенция окончена. — После заката Врата Изгнания закроются.

Сумрак подхватил на руки всхлипнувшую Алису. Девоч-

ка билась в истерике, царапая его плечи своими внезапно удлинившимися когтями. — Тише, маленькая буря, — прошептал отец, прижимая дочь к груди. — Тише, моя молния.

Они вышли в галерею. Солнце клонилось к закату, окрашивая шпили Оплота в цвет запекшейся крови. Сумрак внес жену и дочь в свои покои. Просторная комната, всегда казавшаяся ему убежищем, теперь выглядела золотой клеткой.

Анастасия упала на широкую кровать из резного дуба. Ее плечи сотрясались от беззвучных рыданий. Она, дочь земли и смертной плоти, всегда чувствовала себя чужой среди вечноживущих, но сейчас, под тяжестью приговора, повешенного на ее мужа, ее мир окончательно рухнул. — Не смей, — выдохнула она, когда Сумрак опустился перед ней на колени. — Не смей уходить в эту могилу. Останься. Мы сбежим. Спрячемся в человеческих землях.

Сумрак взял ее ледяные ладони в свои. Он целовал каждый ее палец, пахнувший молоком и сухой травой. — Они найдут нас, Анастасиэль, — ласково произнес изгнанник, используя ее полное эльфийское имя, которое она так не любила. — Их глаза повсюду. Их длань длиннее, чем ты можешь представить. В Краэле их власть кончается. Там нет их магии. Там только я, ты и камни. Я уведу тьму в горы. Я стану живым щитом между гневом Старейшин и вами.

— Я не пушу тебя! — закричала она, пытаясь вцепиться в его одежду. — Я не выдержу снова! Я потеряла тебя однажды, я не похороню тебя во второй раз в этих проклятых

скалах!

Сумрак мягко, но непреклонно разжал ее объятия. Он поднялся и подошел к колыбели, где спала Алиса, утомленная слезами. Ребенок дышал тяжело, и во сне с ее губ срывались искры статического электричества. Отец осторожно коснулся ее лба. — Слушай меня, моя маленькая охотница, — прошептал Сумрак, зная, что дочь, даже во сне, впитывает каждое слово. — Я уйду в черную землю. Я иду туда, где воют ветры. Но это не навсегда. Моя клятва крепче гранита. Я найду способ обмануть саму смерть. Я найду источник жизни в мертвых скалах. Я искуплю свою вину перед Древом. И когда луна станет красной трижды, я вернусь за вами. Жди моего зова.

Анастасия затихла, глядя на эту сцену. Ее гнев сменился абсолютным, первобытным отчаянием. Она понимала: перечить бесполезно. Его решение было выковано из того же негибкого металла, что и его воля лучника.

Сумрак подошел к стене и снял тяжелую карту западных пределов. Он развернул пергамент на столе. Краэль зиял на нем черным провалом, перечеркнутым старыми рунами опасности. — Пойдете на юг, — Сумрак ткнул пальцем в карту, его голос стал сухим и командным, как на построении. — Через Перевал Плачущих Ив. Не заходите в Великий Лес. Держитесь тракта. В первом же человеческом городе, в Белой Гавани, найдешь корабль до Солнечного Берега. Там тепло. Там люди забывают лица. Выстроишь дом. Научишь

ее быть человеком.

— Я не справлюсь одна, — прошептала женщина, подходя сзади. Она положила подбородок на его плечо, вдыхая запах полыни и пороха, который всегда исходил от него. — Я всего лишь крестьянка, Сумрак. Я не знаю ваших путей.

— Ты сильнее всех, кого я встречал, — эльф обернулся, запечатлев на ее губах отчаянный, горький поцелуй. — Ты выжгла амбар и не сгорела. Ты родила бурю и осталась жива. Ты вырастишь ее.

Час пролетел быстрее, чем падение листа. Сумрак собрал два заплечных мешка. В свой он положил лишь флягу с водой, моток эльфийской веревки и кремневый нож — жалкое подобие оружия для земель, где правит первородный хаос.

Когда тени в комнате стали синими, в дверь постучали. Это был Лианэль. Бывший соратник, чье лицо теперь было искажено смесью жалости и брезгливости. — Врата открыты, — бросил он, не глядя в глаза другу.

Сумрак надел мешки. Он подошел к Анастасии. Она стояла, выпрямив спину, закусив губу до крови, чтобы не зарыдать в голос перед стражником. Ее гордость была ее последним доспехом. — Помни, — Сумрак взял ее лицо в ладони, заставляя смотреть на себя. — Твоя жизнь — это моя жизнь. Если ты сдашься, умру и я. Борись. Ради нее.

Он подхватил на руки дочь. Алиса, почувствовав серьезность момента, перестала шипеть и лишь крепко обняла отца за шею, уткнувшись носом в его ключицу. — Я вернусь,

— поклялся Сумрак, вкладывая в эти слова всю магию своей крови, связывая клятву со своим сердцем. — Слово Серебряной Ветви.

Эльф шагнул за порог. Лианэль шел впереди, освещая путь магическим огоньком. Коридоры Оплота казались бесконечными. Каждый шаг отдавался болью в висках. Анастасия шла следом, неся второй мешок, ее шаги были тихими, но Сумрак слышал, как хрустит каждая косточка в ее теле от сдерживаемых рыданий.

Врата Изгнания находились в самом низу, в Пещерах Корня. Это был не портал из света. Это была огромная арка из живого, но большого, черного дерева, чьи корни уходили в самые недра земли. Воздух за аркой пах серой и холодом.

Сумрак остановился перед чертой. Он опустил дочь на каменный пол. — Иди к матери, молния, — велел он.

Алиса нехотя подошла к Анастасии. Женщина тут же прижала ребенка к себе, пряча девочку в складках своего платья.

Сумрак шагнул к жене. Он обнял ее в последний раз, чувствуя, как бьется ее загнанное сердце. — Не жди меня у окна, — хрипло произнес изгнанник. — Живи.

Он резко отстранился, боясь, что если задержится еще на мгновение, то сломается, схватит их в охапку и откажется уходить, приняв смерть на месте.

Сумрак развернулся и шагнул в черную арку.

Холод ударил наотмашь. Это был не мороз зимы. Это было дыхание пустоты. Тьма сомкнулась вокруг него, отрезая

свет Зала Корня, отрезая звук плача Анастасии, отрезая запах дома.

Он оказался на узком карнизе. Внизу, в километре под ногами, бушевала бездна, из которой поднимались столбы ядовитого пара. Вокруг выл ветер, бросая в лицо острую, как стекло, ледяную крошку. Небо здесь было цвета старого сивняка.

Сумрак посмотрел назад. Арки не было. За спиной была лишь отвесная скала из обсидиана.

Эльф поправил лямки мешка. Его ноги, привыкшие к мягким мхам эльфийского леса, ступили на мертвый, черный камень Краэля. Каждый шаг отзывался болью в суставах — горы не принимали его бессмертную плоть, они пытались ее перемолоть.

Он шел вперед, вглубь проклятых земель, не оглядываясь. Его спина была прямой, плечи расправлены, но внутри, там, где у людей находится душа, зияла рваная рана. Он оставил там свое сердце, свою любовь и свою единственную слабость.

Впереди, в багровом полумраке, замаячили силуэты первых черных вершин. Сумрак стиснул зубы. Клятва горела в его груди раскаленным клеймом. Он найдет способ выжить. Он станет легендой этих мертвых скал. Он станет призраком, которого боятся сами горы.

Ради женщины, пахнувшей дымом. Ради девочки, в чьих жилах текла молния.

Глава 3. Отплытие

Соленая сырость пробирала до костей, оседая на серебристых волосах липким инеем. Сумрак стоял на изъеденных древоточцами досках старого причала, вдыхая запах гниющих водорослей и йода. После стерильного, звенящего воздуха Серебряного Оплота и ядовитых испарений Краэля, человеческое море пахло жизнью. Грязной, шумной, непредсказуемой, но настоящей.

Впереди, покачиваясь на свинцовых волнах залива Скорбящих, ждала лодка. Это было жалкое, просмоленное корыто, купленное за последние монеты, которые тайком сунул в его руку трактирщик в Белой Гавани. Плоскодонка с единственным косым парусом из латаной мешковины. У нее не было имени, только облупившаяся зеленая краска на бортах. Но для изгнанника это судно стало единственным алтарем.

Сумрак провел ладонью по шершавому борту. Дерево отозвалось глухим стоном. Путь назад, к мраморным шпилям, был отрезан Вратами. Путь вперед, через перевалы, кишел имперскими патрулями, которые получили негласный приказ: прирезать полукровку и ее мать на месте. Оставался лишь третий путь — бесконечная, голодная синь.

Изгнанник забросил внутрь последний узел. Тяжесть заплечного мешка сменилась весом провизии: вяленая рыба, пресные лепешки, способные храниться месяцами, и бочо-

нок с дождевой водой. Рядом легли туго свернутые свитки.

Лианэль возник из утреннего тумана бесшумно, как и подбавляет тени. Бывший соратник не смотрел в глаза. Его взгляд скользил по горизонту, по грязной воде, по чему угодно, лишь бы не встречаться взглядом с предателем и его палачом одновременно.

— Здесь все, — глухо произнес эльф, протягивая кожаный тубус. — Лоции Западного Архипелага. Карта течений. Штормовое стекло. Оно треснет, если барометр упадет, беги в ближайшую бухту, иначе посудина пойдет ко дну.

Сумрак принял дар. Его пальцы на мгновение коснулись пальцев друга. — Твоя верность глупа, — тихо заметил изгнанник. — Совет сотрет тебя из хроник за связь со мной. — В хрониках и так нет правды, — огрызнулся Лианэль, наконец поднимая глаза. В них плескалась застарелая боль. — Я принес это не ради твоего высокомерия. Я принес это ради той женщины. Ради девочки, чьи глаза пугают меня до дрожи. Если ты сгинешь, они останутся без защиты.

Сумрак молча кивнул. Спорить было бессмысленно. — Скажи Анастасиэль, — изгнанник отвязал от пояса маленький мешочек, протягивая его другу, — пусть растирает это в пальцах, когда тоска станет невыносимой. Пыльца лунного лотоса. Она не лечит, но дарит спокойные сны.

Лианэль принял дар, спрятал его в складках плаща и, резко развернувшись, шагнул обратно в туман. Он не прощался. Прощание было бы признанием того, что они больше не уви-

дятся, а гордыня Старших не позволяла им верить в окончательность смерти.

Оставшись один, Сумрак проверил швартовы. Канат, удерживающий лодку у гнилого пирса, был старым. Изгнанник достал нож и единым движением перерубил пеньку.

Течение тут же подхватило плоскодонку, потащив ее от берега. Сумрак налег на единственное длинное весло, выравнивая курс. Дерево скрипело в уключинах протестующе, словно жалуясь на непосильный труд.

Берег медленно таял в утренней дымке. Сумрак смотрел на него, не отрываясь, вкладывая в этот взгляд всю свою волю. Там, за пеленой тумана, на вершине каменистого холма, едва различимая отсюда, стояла тонкая фигурка. Даже на таком расстоянии изгнанник чувствовал, как рвется в груди невидимая нить. Анастасия. Она не плакала — человеческие слезы иссякли еще вчера. Она стояла как изваяние, вцепившись в дерево ограды, и ветер трепал ее темный платок.

Маленькая фигурка рядом с ней прыгала, махала руками, но ее движения становились все более хаотичными. Алиса. Дитя двух миров, запертое в хрупком теле. Девочка не понимала, почему отец уходит в серую пустоту на деревянной скорлупе.

Сумрак поднял руку в последнем приветствии. Он не мог крикнуть — слова замерзли бы в горле, превратившись в лед. Он просто смотрел, запечатлевая в памяти этот холм, эту женщину, ставшую его личным проклятием и единственным

божеством.

— Живи, — прошептал изгнанник, хотя ветер тут же украл звук. — Просто дыши.

Берег окончательно скрылся. Вокруг теперь была только вода.

Море приняло нового пассажира равнодушно. Оно не знало титулов, не чтило чистоту крови и не боялось древней магии. Оно просто жило своей тяжелой, соленой жизнью. Сумрак навалился на весло, задавая ритм. Раз — лопасть входит в воду, разбивая зеленоватую гладь. Два — спина напрягается, толкая тяжелое дерево. Три — весло выходит с чавкающим звуком, роняя в волны хрустальные капли.

Это было медитативное, первобытное движение. Руки, привыкшие к невесомости эльфийской стали, ныли от напряжения. Мышцы, не знавшие усталости столетиями, начали гудеть. Море проверяло его. Море смывало с него позолоту Серебряного Оплота, слой за слоем сдирая высокомерие бессмертного. Здесь, посреди пустоты, Сумрак впервые за триста лет почувствовал себя просто куском плоти, который может сгнить, замерзнуть или быть сожранным глубинными тварями.

К полудню поднялся ветер. Сначала легкий, бриз приятно охлаждал разгоряченную кожу. Затем он окреп. Поверхность воды покрылась белыми барашками. Плоскодонку начало подбрасывать, как ореховую скорлупу.

Изгнанник спустил парус. Латанная мешковина затреща-

ла, наполняясь тугим, опасным воздухом. Лодка резко накренилась, зачерпнув бортом ледяную воду. Сумрак едва успел переместить вес, чтобы посудина не перевернулась.

— Тише, — бросил мореход своему норовистому коню, налегая на румпель. — Мы с тобой одной крови — ты и я. Оба изгнанники.

Небо стремительно темнело. С запада накатывала лиловая, тяжелая туча, похожая на брюхо гигантского левиафана. Она пожирала солнце, погружая мир в преждевременные, жуткие сумерки.

Начался шторм.

Ветер завыл, срывая гребни волн. Дождь ударил горизонтально, больно стегая лицо. Парус, который должен был нести к спасению, превратился в демона, пытающегося опрокинуть судно. Сумрак принял тяжелое решение. Изогнувшись, он дотянулся до фала и с силой рубанул по нему ножом. Мокрая ткань с оглушительным хлопком обвисла.

Лодка стала неуправляемой. Ее бросало из стороны в сторону. Сумрак бросил румпель и схватился за весло, пытаясь использовать его как противовес, удерживая баланс на гребнях исполинских валов.

Волна, черная и лохматая, поднялась над кормой. Гора воды зависла на мгновение, готовясь обрушиться всей своей массой. Изгнанник успел лишь набрать в легкие воздух.

Удар. Мир перевернулся. Холод сомкнулся над головой, выдавливая остатки тепла. Тьма. Давление на уши. Соль в

глазах и легких.

Сумрак боролся инстинктивно. Эльфийское тело, плотное и сильное, не желало сдаваться пучине. Руки нащупали в темноте перевернутое днище лодки. Воздушный пузырь под килем давал призрачный шанс.

Изгнанник подтянулся, перебросил тело через скользкое дерево. Он оказался в ловушке. Снаружи бушевала смерть, внутри было тесно и темно. Вода внизу лодки плескалась, заливая ноги.

— Выпусти меня, — прохрипел Сумрак, ударяя кулаком в мокрое дерево. — Я не твоя добыча.

Внезапно дно под ним содрогнулось. Что-то огромное, живое, коснулось кили снизу. Скрежет камня о дерево. Или зубов о дерево. В памяти всплыли лоции Лианэля: «Западный Архипелаг — охотничьи угодья левиафанов».

Тварь подтолкнула лодку. Удар снизу подбросил перевернутую скорлупу. Сумрака швырнуло о борт, в глазах потемнело. Но вместе с ударом пришла надежда. Лодка дернулась и начала медленно, неохотно выравниваться. Поток воды хлынул через открывшийся край, унося с собой часть балласта.

Изгнанник вывалился в ледяную купель, когда судно приняло нормальное положение. Он жадно глотнул воздух пополам с дождем. Руки онемели, пальцы не слушались.

Мореход вцепился в борт, пережидая приступ дрожи. Тело, отравленное ледяной водой, требовало сна. Смерть под-

крадывалась не в облике волны, а в виде уютного, теплого забытья.

— Нет, — процедил Сумрак, с яростью ударив себя по щеке. Кожа вспыхнула болью, прогоняя морок.

Всю ночь изгнанник воевал со стихией. Он вычерпывал воду найденной на дне деревянной чашкой. Он рубил остатки мачты, чтобы она не сработала как рычаг и не разломила судно пополам. Он молился безымянным богам этого солевого ада.

Когда забрезжил серый, больной рассвет, буря начала стихать. Волны стали ленивыми, длинными перекатами. Тучи разорвались, выпуская тусклое, стыдливое солнце.

Сумрак лежал на дне лодки, не имея сил даже поднять голову. Его одежда заледенела, превратившись в жесткий панцирь. Волосы смерзлись в колтун. Губы потрескались до крови. Но он был жив.

Пошарив рукой, он нашел кожаный тубус. Карты Лианэля насквозь промокли, чернила расплылись синими кляксами. Штормовое стекло пошло густой сетью трещин — барометр упал до критической отметки.

Изгнанник посмотрел на горизонт. Земли не было. Ни единого клочка суши. Только бесконечная, равнодушная рябь. Течения, о которых предупреждал друг, подхватили плоскодонку и уносили ее в открытое сердце океана, туда, где не ходили торговые суда.

Сумрак закрыл глаза. Берег, где осталась его душа, пре-

вратился в дымчатый мираж. Между ними лежали сотни миль воды.

Но в груди, там, где эльфийская магия боролась с человеческим отчаянием, разгорался холодный огонек. Это была не надежда. Это была клятва. Вода приняла его. Вода пыталась его убить. Но вода же и уносила его прочь от законов Старейшин, прочь от мраморных клеток, туда, где можно начать путь заново.

Изгнанник сел, преодолевая боль в каждой связке. Он взял весло. Раз — лопасть входит в воду. Два — спина напругается. Три — весло выходит, роняя капли. Ритм гребка стал его новым сердцебиением.

Глава 4. Шторм Осуждения

Седьмой день плавания стер границы между вчера и сегодня. Время превратилось в бесконечную череду соленых брызг, боли в стертых до мяса ладонях и тяжелого, хриплого дыхания. Плоскодонка, казавшаяся надежной пристанью в порту, теперь напоминала плавучий гроб. Деревянный скелет стонал на каждой волне, а просмоленные швы начали предательски сочиться темной влагой.

Изгнанник, чье имя было вычеркнуто из свитков, превратился в механизм. Его существование сузилось до трех действий: вычерпывать воду, держать равновесие, грести. Серебряные волосы потеряли блеск, слипшись от соли в грязный колтун. Кожа, не знавшая загара, пошла болезненными красными пятнами, а бессмертная плоть впервые познала истинный, сосущий голод.

Море вокруг изменилось. Оно стало темнее, тяжелее. Вода приобрела густой изумрудный оттенок, а глубина под килем стала пугающей — там, внизу, ворочалось что-то древнее и голодное. Запах изменился тоже. Вместо бодрящей соли и йода воздух наполнился приторной сладостью гниющих водорослей и тяжелым духом озона, предвещающим беду.

Тишина, повисшая над океаном, была неестественной. Птицы, обычно выющиеся над мачтой в ожидании объедков, исчезли. Даже ветер, доселе капризный, но предсказуемый,

упал внезапно, оставив парус безвольной тряпкой. Лодка замерла посреди огромного масляного пятна воды.

Сумрак опустил весло, чувствуя, как дрожат плечи. Инстинкты следопыта, отточенные столетиями в эльфийских чащах, кричали об опасности. Это не было обычным буйством природы. Это было дыхание чего-то разумного.

Воздух над водой начал сгущаться. Сначала это выглядело как марево в жаркий день, но затем марево обрело форму. Из зеленоватой дымки соткались силуэты — высокие, вытянутые фигуры без лиц, сотканные из тумана и старых корней. Их очертания постоянно текли, напоминая то древесную кору, то искаженные мукой человеческие лица.

Духи-хранители. Стражи Великого Леса.

Они не имели ртов, но их беззвучный голос ворвался прямо в сознание изгнанника, разрывая черепную коробку ледяными иглами. *«Кровь предателя. Осквернитель рощ. Ты несешь заразу в сердце мира».*

Вода вокруг лодки начала закручиваться в медленную, воронку. Деревянное днище закрипело, сопротивляясь засасывающей силе.

Сумрак сжал виски. Холодная, отстраненная ярость поднялась из глубины души, смывая усталость. Они пришли закончить начатое Советом. Они решили, что изгнание в Краэль — слишком легкий удел для того, кто посмел смешать кровь Старших со смертной грязью.

— Я не вернусь, — прохрипел мореход пересохшим гор-

лом, отвечая пустоте. — Ваши законы мертвы.

В ответ духи ударили. Океан вздыбился. Вода вокруг лодки не просто поднялась стеной — она ошетибилась тысячами ледяных игл. Зеленоватое марево ринулось вперед, принимая форму гигантских древесных змей, чьи пасти были усеяны шипами из замерзшей соли.

Первая тварь ударила в корму. Дерево треснуло, разлетаясь в щепки. Лодка резко накренилась, и ледяная вода хлынула внутрь, мгновенно сковывая движения.

Изгнанник понял: грубой силы не хватит. Дерево и вода были родной стихией этих созданий. Здесь, посреди океана, они были богами. Оставался лишь один путь — ответить стихией на стихию.

Сумрак выпустил весло. Оно тут же кануло в зеленую пучину. Ладони эльфа легли на мокрые доски борта. Закрывать глаза. Перестать быть плотью. Стать дыханием.

Искра древней, давно не призываемой силы затлела в солнечном сплетении. Это была магия Воздуха, капризная и свободная, та, что позволяла эльфийским лучникам посылать стрелы за горизонт. Но сейчас лучнику не нужны были стрелы. Ему нужен был щит.

— Отпустите, — выдохнул Сумрак в рев бури.

Слово стало ключом. Воздух вокруг лодки сгустился, превращаясь в невидимый кокон. Когда ледяная змея нанесла второй удар, целясь в борт, она встретила сопротивление. Раздался звук, похожий на удар в исполинский гонг. Тварь

из воды и тумана рассыпалась мириадами брызг, но ударная волна швырнула плоскодонку вверх, едва не опрокинув ее.

Магия требовала платы. Каждый вдох давался с трудом, легкие горели, словно наполненные раскаленным песком. Мана — жизненная сила — вытекала из тела, оставляя взамен звенящую пустоту.

Духи завывали. Их беззвучный крик теперь нес в себе не только гнев, но и удивление. Они не ожидали сопротивления.

Воронка под килем ускорила. Лодку начало вращать, центробежная сила прижимала изгнанника к борту, грозя разmozжить кости. Деревянные части судна трескали, расходясь по швам. Сумрак направил остатки воли вниз. Он не мог остановить океан, но мог договориться с небом.

Над головой, среди свинцовых туч, которые внезапно почернели до состояния сажи, начали формироваться разряды. Воздух запах грозой. Это было опасно — молния могла испепелить жалкую скорлупу вместе с хозяином. Но духи, сотканые из воды, боялись небесного огня больше, чем эльф боялся смерти.

Первая ветвистая змея сорвалась с небес и ударила в воду в десяти ярдах от кормы. Грохот оглушил. Океан вскипел. Духи отпрянули, их туманные тела на мгновение потеряли плотность.

Этого хватило.

Используя последний, угасающий резерв сил, изгнанник

ударил по воздуху. Это был не толчок, а резкий, рваный выдох. Невидимый кулак из сжатого ветра ударил в поверхность воды, разрывая магическую воронку. Лодка дернулась, освобождаясь из водоворота, и ее понесло боком, прямо на гребень огромной, обычной, не магической волны.

Сумрак рухнул на дно, накрыв голову руками. Тонны воды обрушились сверху, вбивая тело в доски. Деревянный каркас застонал, но выдержал. Когда поток схлынул, изгнанник поднял голову.

Небо очистилось так же внезапно, как и почернело. Духи исчезли, растворившись в утренней дымке. Океан лениво покачивал судно на мертвой зыби.

Тишина вернулась, но теперь она была иной — тяжелой, давящей.

Сумрак попытался встать. Ноги подкосились. Он рухнул на колени, упираясь руками в мокрое дерево. Тело сотрясала крупная дрожь. Магический шторм выпил его досуха. Мана, этот внутренний родник, который эльфы восполняют веками, была выжжена дотла за несколько минут отчаянной схватки.

Теперь изгнанник стал просто смертным. Смертным с переломанными ребрами и пустым резервом.

Взгляд упал на корму. Ущерб оказался страшнее, чем казалось в пылу боя. Задняя часть лодки была разворочена. Сквозь зияющую пробоину, размером с человеческую голову, свободно гуляла вода. Каждое движение судна заставля-

ло новые порции океана вливаться внутрь.

Сумрак подполз к дыре. Пальцы ощупали рваные края. Дерево превратилось в труху — магия стражей леса разъела его, как кислота. Заделать такую пробоину в открытом море было невозможно.

Мореход огляделся. Горизонт был девственно чист. Ни паруса, ни дымка на горизонте. Земли не было. Магический удар отбросил плоскодонку далеко от курса, унося в пустые воды, где торговые пути не пролегали столетиями.

Осознание пришло холодной, ясной волной, отрезвляющей лучше ледяной купели. Стихии отвернулись. Лес, которому Сумрак служил триста лет, пытался убить его. Океан, в котором он искал спасения, едва не поглотил. Сама ткань мироздания, казалось, сшита из ненависти к его существованию.

Изгнанник достал из чудом уцелевшего мешка флягу. Руки дрожали так сильно, что он едва смог свинтить крышку. Первый глоток пресной воды показался вкусом пепла.

Магия ушла. Осталась только физика. Деревянная посуда с огромной дырой в днище. Тонны воды сверху. И бесконечная пустота вокруг.

Сумрак медленно, преодолевая протестующее болью тело, поднялся на ноги. Шатаясь, он добрался до мачты. Парус, изодранный в клочья ветрами духов, висел бесполезными тряпками.

Лодка медленно погружалась. Вода уже доходила до ши-

колоток и прибывала с пугающей скоростью.

Вместо того чтобы паниковать, изгнанник начал действовать. Механически, экономя каждое движение, он достал свой единственный инструмент — тяжелый матросский нож. Он срезал остатки паруса. Затем, упираясь ногой в борт, он начал рубить мачту у основания. Дерево поддавалось неохотно, нож был туповат для такой работы, но отчаяние придавало рукам силу.

Когда шест с треском рухнул в воду, привязанный к корме коротким линем, лодка слегка выправилась. Убрав тяжелый рычаг, Сумрак снизил нагрузку на измученный корпус.

Затем наступила самая тяжелая часть. Нужно было избавиться от балласта.

Изгнанник посмотрел на свои припасы. Вяленая рыба. Сухари. Запасной моток веревки. Кожаный бурдюк с инструментами. Все это тянуло судно на дно.

Сумрак без колебаний начал выбрасывать добро за борт. Первый мешок с едой ушел в воду. Плеск прозвучал как удар колокола по его будущему. Голод теперь станет его постоянным спутником.

Следом полетел бурдюк с инструментами. Сумрак оставил себе только нож, привязав его к поясу на кожаный шнур. Вода перестала прибывать так быстро. Днище все еще подтекало, но теперь скорость погружения замедлилась. Плоскодонка превратилась в полузатопленный плот.

Сумрак лег на спину прямо в воду, собравшуюся на дне.

Ледяные волны лизали его плечи и лицо. Небо над головой было пронзительно-синим, равнодушным.

Тело требовало сдаться. Закрывать глаза и позволить соленой воде стать последней постелью. Зачем бороться? Ради чего? Лес проклял его. Совет отрекся. Анастасиэль и Алиса остались за тысячи миль, за непреодолимой стеной воды и времени. Клятва, данная им на прощание, казалась теперь детским лепетом.

Но пальцы изгнанника сами собой нащупали рукоять ножа.

Смерть была слишком легким выходом. Она была признанием правоты Старейшин. Если он сейчас закроет глаза, Духи-хранители победят. Их приговор будет приведен в исполнение.

Сумрак перевернулся на живот. Лодка угрожающе качнулась, зачерпнув бортом новую порцию влаги.

Мореход пополз к носу, где вода была чуть ниже. Он лег грудью на сухое дерево, свесив руки за борт. Вода была холодной до судорог, но она бодрила, не давая магическому истощению перерасти в сон.

Взгляд зацепился за линию горизонта. Там, далеко-далеко, сквозь дрожащее марево проступала темная, рваная полоса.

Земля. Это могло быть обманом зрения. Это могли быть облака. Но изгнанник вцепился в эту полоску, как в единственную истину.

Духи леса ударили, чтобы убить. Но их магический удар, отбросивший лодку, случайно направил ее к спасению. В этой мысли было мрачное, горькое утешение.

Сумрак начал грести руками. Это было медленное, жалкое движение. Ладони, привыкшие к луку, покрылись ссадинами от соленой воды и трения о дерево. Каждое движение отзывалось болью в ребрах, пострадавших от падения мачты.

Лодка двигалась. Невероятно медленно, дюйм за дюймом, но она ползла к темной полосе. Солнце начало клониться к закату, окрашивая небо в багровые, тревожные тона. Тени удлинились. Вода из изумрудной стала черной, маслянистой.

Из глубины донесся низкий, вибрирующий гул. Это не был голос духов. Это был голос самого океана, голос левиафанов, обитающих в этих водах.

Сумрак не вздрогнул. Страх выгорел вместе с маной. Осталась только тупая, упрямая механика выживания. Когда первые звезды — холодные, далекие, не похожие на родные созвездия Серебряного Оплота — проступили на темнеющем куполе, нос плоскодонки ткнулся во что-то твердое.

Это был не песок. Это был острый, иззубренный камень, покрытый скользкой слизью. Земля. Вернее, скала. Клык, торчащий из воды.

Изгнанник подтянулся, цепляясь за выступы, и выволок свое измученное тело на твердую поверхность. Лодка, освободившись от веса, качнулась и начала медленно отплывать, прежде чем течение окончательно не унесло ее во тьму.

Сумрак лежал на холодном камне, раскинув руки. Соль на его теле запеклась белой коркой. Легкие горели. Ветер, дующий с берега, нес запахи, которых не должно быть в открытом море — запах прелой листвы, влажной земли и чего-то сладковато-гнилого.

Он выжил. Он обманул океан. Он пережил гнев хранителей леса.

Но, лежа на безымянном камне посреди неведомого архипелага, лишившийся корабля, еды и магии, изгнанник понимал: Шторм Осуждения не закончился. Он только сошел на берег вместе с ним.

Глава 5. Врата Краэля

Скалы встретили пришельца мертвым молчанием.

Сумрак выбрался на широкую каменную полку, когда последние силы оставили изможденное тело. Пальцы, сведенные судорогой, едва разжались, выпуская острый выступ гранита. Морская соль запеклась на серебристых волосах и коже серой, колючей коростой. Каждый вдох отдавался в груди тупой болью — два ребра, треснувшие во время магического поединка на воде, теперь терлись друг о друга при малейшем движении.

Эльф перевернулся на спину. Под лопатками лежал не теплый мох родных лесов, а ледяной, влажный камень, покрытый черной, маслянистой слизью. Над головой нависал свод гигантской пещеры. Путешествие по океану закончилось не на солнечном берегу, а в глотке древнего подземного мира. Волны вынесли разбитую скорлупу лодки в систему затопленных гротов, и беглец выбрался на сушу лишь благодаря цепкости своих рук.

Здесь царил вечный сумрак. Источника света не было видно, но пространство вокруг не тонуло в полной темноте. Оно мерцало. Стены ущелья, уходящие вертикально вверх на сотни футов, источали слабое, болезненное фосфорное свечение. Это светился сам камень — вены черного мрамора пульсировали тусклым багрянцем, словно под скалами текла

не вода, а густая, остывающая кровь.

Воздух Краэля давил на плечи. Он оказался густым, тяжелым, лишенным свежести. В нем не было запаха йода или прелой листвы. Здесь пахло озоном, расплавленным гранитом и чем-то неуловимо сладковатым, похожим на запах тления. Каждый глоток этой атмосферы оседал в легких свинцом, заставляя грудь работать с невероятным усилием.

Сумрак заставил себя сесть. Мышцы отозвались протестующим воем. Бессмертное тело, привыкшее к регенерации, сейчас вело себя как обычное человеческое — оно болело, слабело и требовало отдыха. Магический резерв, выжженный дотла схваткой с духами океана, превратился в сухую, потрескавшуюся пустошь. Попытка сплести даже простейшее заклинание света закончилась бы обмороком.

Эльф поднялся на ноги, опираясь на валун. Нужно было двигаться. Океан остался позади, но это место казалось куда более голодным.

Впереди начиналась тропа. Узкая лента, вырубленная прямо в теле скалы, вилась вдоль пропасти и уходила вверх, во мрак. Края этой тропы были оплавлены — камень здесь когда-то тек под воздействием немыслимого жара, застыв причудливыми стеклянными потеками.

Сумрак сделал первый шаг. Подошвы сапог, изорванные о камни в гроте, едва издавали звук. Тишина этого места была абсолютной. Она не звенела, как тишина высокогорных эльфийских пиков, она поглощала. Не было слышно ни ветра,

ни крика птиц, ни треска насекомых. Звуки просто умирали, не успев родиться.

С каждым шагом по тропе давление усиливалось. Это была не гравитация. Это была магия — древняя, темная, спрессованная веками в толщу гор. Она ощупывала незваного гостя, просачивалась под кожу, изучала его суть.

И тогда Сумрак почувствовал Взгляд.

Это не было физическим ощущением. Эльфийский народ всегда чувствителен к чужому вниманию, но то было внимание живых. Здесь же на него смотрели тысячи мертвых, немигающих зрачков. Они прятались в тенях расщелин, они таились в багровых жилах мрамора, они висели в спертom воздухе невидимой взвесью.

Хранители Краэля.

Они не имели формы. Это была сама гора, само проклятие этих земель. В отличие от духов леса, ревниво охранявших свои зеленые границы, эти сущности не знали ни гнева, ни милосердия. Они были законом. Искривленным законом выжженной земли.

«Кровь Старших, — прошелестело в сознании, но этот шепот не имел голоса, он рождался прямо в костях. — Древняя кровь. Сладкая. Голодная».

Сумрак стиснул зубы. Его род, Дом Серебряной Ветви, считался одним из древнейших. В его жилах текла первозданная мощь, которую так легко было отравить здесь.

Тропа сделала резкий поворот, выходя на небольшое пла-

то. Сумрак замер.

Перед ним возвышались Врата.

Это не было творением рук. Два исполинских сталагмита, каждый размером с крепостную башню, срослись наверху, образуя арку. Пространство между ними дрожало и рябило, как воздух над костром. Марево переливалось всеми оттенками гниения — от трупно-зеленого до гнилостно-лилового.

Это был порог. Граница между просто мертвыми скалами и истинным Краэлем — Долиной Неутолимого Голода.

Эльф подошел ближе. Потоки воздуха втягивались в арку, создавая постоянный, тихий свист. Сумрак вытянул руку, не касаясь марева. Кончики пальцев опалило сухим жаром, хотя само пространство казалось ледяным.

За Вратами не было видно ничего. Только абсолютная, поглощающая чернота. Но эта чернота дышала. Оттуда тянуло смрадом разложения и сухим, металлическим запахом пролитой крови.

Именно там, за этой пеленой, находился путь к пику Мертвого Сердца, где, по древним картам, бил источник искаженной жизни. Там Сумрак надеялся найти силу, способную исцелить любую рану и обмануть саму смерть. Там он должен был обрести мощь, чтобы вернуться за своей семьей.

Но чтобы войти, нужно было заплатить пошлину.

Сумрак знал легенды. Врата Краэля не пропускали тех, чьи сердца были полны надежды или любви. Эти светлые чувства сгорали в мареве, оставляя путника пустым сосудом,

который тут же поглощала бездна. Чтобы пройти, нужно было впустить в себя холод.

Изгнанник опустился на одно колено прямо перед дрожащей пеленой. Он положил ладони на оплавленный камень тропы.

Мореход закрыл глаза, пытаясь отринуть всё человеческое, что успело прорасти в нем за последние недели. Он заставил себя забыть соленый вкус слез Анастасии. Он вытравил из памяти образ Алисы, машущей рукой с берега. Он заморозил ту часть души, что болела от разлуки.

Вместо этого Сумрак сосредоточился на своем провале. На унижении перед Советом. На ледяном ожоге предательства, когда Лес, которому он служил, попытался его убить. На бесконечной, сосущей пустоте внутри.

Он позволил этой пустоте разрастись. Он стал ею.

Любовь превратилась в пепел. Надежда — в прах. Остался только долг. Холодный, тяжелый, как могильная плита, долг перед клятвой.

Сумрак открыл глаза. Его зрачки больше не сияли теплым серебром. Они стали похожи на осколки обсидиана — глубокие, черные, отражающие лишь чужую смерть.

Эльф шагнул вперед.

Марево Врат сомкнулось вокруг него.

Удар был физическим. Невидимая стена ударила в грудь, вышибая остатки воздуха. Боль была такой острой, что на мгновение помутилось зрение. Сумрак почувствовал, как

невидимые когти вцепились в его ауру, пытаясь содрать эльфийскую защиту, выпивая остатки маны.

«Сладкая кровь, — повторил беззвучный хор. — Древняя. Мы помним твой род. Помним их крики, когда мы выжигали их леса тысячелетия назад».

Сумрак не ответил. Он не мог позволить себе тратить силы на борьбу. Вместо этого он шагнул снова. И еще раз.

Каждый шаг сквозь пелену Врат сдирал с него слой за слоем. Сначала ушла магическая защита. Затем — физическое тепло. Изгнанник чувствовал, как ледяные иглы пронзают его мышцы, как замерзает лимфа в жилах.

Когда преграда осталась позади, Сумрак рухнул на колени.

Здесь царила иная реальность.

Гравитация работала иначе. Тело весило втрое больше, прижимая к растрескавшейся почве. Сумрак поднял голову.

Неба не было. Над головой нависал низкий свод пещеры, но он был затянут клубами сизого, светящегося газа. Этот газ не давал света, он лишь окрашивал всё в мертвенные, трупные тона.

Земля под ногами была черной. Это был не камень. Это был пепел. Пепел, смешанный с перемолотой в пыль костью. Пейзаж вокруг напоминал кладбище исполинов. Из земли торчали ребра неведомых тварей, высотой с дерево. Скрученные, обугленные стволы — всё, что осталось от местной флоры — тянули к газовому небу свои костлявые ветви.

И ветер. Здесь дул постоянный, монотонный ветер. Он не приносил свежести. Он нес прах. Пепел забивался в нос, скрипел на зубах, оседал на ресницах.

Сумрак поднялся. Ноги утопали в мягком пепле по щиколотку. Каждый шаг давался с трудом, словно эльф шел по сухому снегу.

Врата за спиной исчезли. Пути назад не было. Теперь Сумрак был частью Краэля.

Взгляд тысяч глаз стал плотнее. Теперь сущности не просто смотрели — они кружили вокруг. Сумрак видел их периферийным зрением: темные, бесформенные сгустки, скользящие над пепельной землей, не касаясь ее. Они принюхивались к его крови.

Эльф достал нож. Лунная сталь, освященная в Зале Тысячи Свечей, сейчас казалась чужеродным, ярким предметом в этом мире серости. Оружие едва заметно вибрировало в руке, сопротивляясь искажению пространства.

Впереди, среди остовов гигантских ребер, пролежала тропа. Она была вытоптана в пепле, и края ее слабо фосфоресцировали. Это был единственный путь.

Сумрак ступил на тропу.

В тот же миг из-за ближайшего костяного выступа метнулась тень.

Она была размером с крупную собаку, но не имела шерсти. Ее тело состояло из переплетенных сухожилий и серой, полупрозрачной кожи, через которую пульсировали темные

органы. Три пары лап с костяными серпами на концах ударили по пеплу, подбрасывая тварь в воздух. Пасти не было — только вертикальная щель, полная рядов игольчатых зубов, которая распахивалась от шеи до брюха.

Тварь нацелилась на горло.

Сумрак не успел сплести заклинание. Магия здесь умирала, вязла в пепле. Он действовал на чистых рефлексах.

Эльф упал на спину, уходя с линии атаки. В падении он выставил нож. Тяжелое тело хищника, весящее больше обычного из-за искаженной гравитации, насадило само себя на лезвие.

Лезвие вошло в серую плоть с омерзительным хрустом. Черная, густая, как смола, кровь хлынула на руки.

Тварь издала звук, похожий на скрежет стекла. Она забилась в конвульсиях, пытаясь дотянуться до жертвы передними лапами. Сумрак уперся ногой в костяное ребро твари и с рычанием выдернул клинок, отшвыривая умирающего хищника в сторону.

Существо рухнуло в пепел, подергалось и затихло. Но его смерть стала сигналом.

Со всех сторон — из трещин в земле, из пустых глазниц гигантских черепов, из клубов сизого газа — раздался ответный клеткот. Краэль пробуждался к ужину.

Сумрак стер с лица липкую черную кровь врага. Она жгла кожу, словно кислота.

Эльф побежал.

Бежать в Краэле было пыткой. Тяжелый воздух разрывал легкие. Пепел засасывал ноги. Гравитация тянула к земле. Но оставаться на месте означало быть разорванным.

Тропа вела вниз, в расщелину. Стены по обе стороны сужались, превращаясь в узкий каньон. Сумрак мчался по дну, слыша, как сверху, по краям ущелья, несется стая косящих тварей. Они передвигались по отвесным стенам с пугающей легкостью, их когти впивались в камень, не оставляя следов.

Впереди замаячил свет. Не мертвенный газовый отсвет, а что-то живое, пульсирующее.

Сумрак вылетел из каньона на открытое пространство и резко остановился, едва не поскользнувшись в пепле.

Перед ним лежало Озеро Черного Пламени.

Огромная впадина, заполненная жидкостью, похожей на расплавленный гудрон. Но это была не лава. Над поверхностью озера плясали языки холодного, фиолетового огня. Они не давали тепла, они поглощали его. Пламя горело само по себе, питаясь, вероятно, самой тканью этого мира.

Тропа обрывалась у кромки озера. Дальше пути не было. Сзади, сужая кольцо, неслись десятки тварей. Их голодный скрежет отражался от стен каньона.

Сумрак оказался в ловушке.

Эльф посмотрел на фиолетовое пламя. Вода была его родной стихией, но эта субстанция пугала даже его. Погружение в нее казалось шагом в кислоту.

Стая вырвалась из расщелины. Твари рассыпались по пепельному берегу, беря жертву в полукольцо. Они не спешили нападать сразу, играя с добычей, наслаждаясь безнаказанностью.

Изгнанник перехватил нож обратным хватом. Лунная сталь начала дымиться, соприкасаясь с воздухом Краэля. Металл не выдерживал искажения. Еще полчаса, и клинок превратится в бесполезный кусок железа.

Первая тварь, самая крупная, с роговым гребнем на черепе, медленно пошла вперед. Ее вертикальная пасть открылась, издавая низкое, утробное гудение.

Сумрак понял: если он останется на берегу, его просто задавят массой. Даже его эльфийская сила имеет предел, когда противник не знает усталости и боли.

— Если я должен искупаться, — прохрипел пришелец, обращаясь к пустоте, — то пусть это будет в огне.

Не дожидаясь прыжка вожака, Сумрак разбежался и прыгнул в Озеро Черного Пламени. Холод.

Вопреки ожиданиям, жидкость не обожгла. Она была ледяной. Глубинный, космический холод, который замораживает не тело, а саму душу. Фиолетовое пламя сомкнулось над головой, отрезая звуки, свет и запахи. Сумрак погрузился на дно.

Твари на берегу взвыли. Они боялись озера. Их инстинкты, продиктованные искаженной природой, кричали об опасности этой субстанции. На дне лежали черепа. Тыся-

чи черепов всех мыслимых рас и видов. Они были идеально гладкими, отполированными черным огнем до блеска.

Эльф задержал дыхание, хотя легкие уже разрывало от нехватки воздуха. Он оттолкнулся от костяного дна и поплыл под поверхностью, ориентируясь на слабый свет, пробивающийся сквозь толщу черного пламени. Впереди, на самом дне, что-то пульсировало.

Сумрак плыл сквозь кладбище миров, чувствуя, как ледяная тьма высасывает тепло из его сердца. Но вместе с теплом уходила и боль. Уходил страх. Уходила тоска по женщине с запахом дыма. Магия Краэля принимала его, вымывая всё человеческое, оставляя лишь холодный, кристаллизованный стержень воли.

Когда эльф вынырнул на противоположном берегу, хватая ртом густой воздух, он уже не был тем, кто вошел в воду. Черное пламя оставило на его коже следы. Серебряные волосы теперь казались седыми от инея. На лице и руках проступили тонкие узоры, светящиеся в темноте тусклым фиолетовым светом — магические ожоги, метки этого места.

Сумрак выполз на берег, прямо под носом опешившей стаи. Твари метались по ту сторону озера, не решаясь войти в воду, но и не уходя. Они знали — добыча теперь заперта в тупике.

Эльф поднялся. Его била дрожь, но не от холода. Метаморфоза внутри завершилась. Пустота, которую он впустил в себя у Врат, теперь соединилась с черным огнем. Сумрак

посмотрел на свои руки. Нож в них казался куском раскаленного угля, хотя сталь остыла.

Первый шаг на земле Краэля был сделан. Древние горы приняли гостя, содрав с него кожу и плоть, обнажив то, что пряталось под ними. Изгнанник оскалился в подобии улыбки, глядя на голодные тени. Теперь правила игры изменились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.